

Голованева М. А.

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД И КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКА
ДРАМЫ КОНЦА XX ВЕКА**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/15.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 39-42. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

(вопросы терминологии см. в работах: В.И. Арнольда, И.А. Банниковой, Л.И. Донецких, Г.В. Колшанского и др.).

Список использованной литературы

1. Арнольд В. И. Лингвистический и стилистический контекст // Арнольд В. И., Банникова И. А. Стилль и контекст. / Под ред. И. В. Арнольда. - Л., 1972.
2. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избр. труды. - М.: Наука, 1980.
3. Виноградов В. В. О теории художественной речи. - М.: Высшая школа, 1971.
4. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. - М.: Высшая школа, 1991.
5. Гельгардт Р. Р. О стиле литературного произведения (объект и метод) // Вопросы стилистики: Сб. статей к 70-летию со дня рождения К. И. Былинского / Под ред. В. П. Вомперского. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1966.
6. Григорьев В. П. К эстетике неологизма // Русский язык: Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. - М., 1987.
7. Донецких Л. И. К вопросу об условиях реализации эстетического значения у притяжательных прилагательных // Очерки по русскому языку и стилистике: Сб. статей. - Кишинев: Штиинца, 1974.
8. Донецких Л. И. «Мир в искусстве не обозначается словом, а является в нем» // Вопросы грамматики, стилистики и методики русского языка: Сб. статей. - Кишинев: Изд-во Кишиневского гос. ун-та, 1993.
9. Колшанский Г. В. Логика и структура языка. - М.: Высшая школа, 1965.
10. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980.
11. Купина Н. А. Опыт системно-семантического анализа поэтического текста // Слово в системных отношениях. - Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1975. - Вып. 2.
12. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя: Избр. статьи. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
13. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Серия: Семиотические исследования по теории искусства. - М.: Искусство, 1970.
14. Лыков А. Г. Окказионализм и языковая норма // Грамматика и норма: Сборник. - М.: Наука, 1977.
15. Мисьякович Г. И. К вопросу о норме в словообразовании // Грамматика и норма. - М.: Наука, 1977.
16. Пасечная Л. А., Попова Т. В. К проблеме дефиниции нового слова в современной лингвистике // Вестник ОГУ. - 2005. - № 11.
17. Пауль В. Принципы истории языка. - М.: Изд-во ин-та лит., 1960.
18. Потебня А. А. Мысль и язык. - Киев: СИНТО, 1993.
19. Флоря А. В. К вопросу о русской неологии // Вестник ОГУ. - 2000. - № 2.
20. Харченко В. К. Переносные значения слова. - Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1989.
21. Якубинский Л. П. Язык и функционирование: Избр. работы. / Отв. ред. А. А. Леонтьев. - М.: АН СССР, Наука, 1986.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД И КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКА ДРАМЫ КОНЦА XX ВЕКА

Голованева М. А.
Астраханский государственный университет

Фразеологический фонд языка драмы конца XX века весьма обширен и позволяет путём его исследования приблизиться к выводам о коммуникативно-когнитивной структуре текста драмы. Наблюдения за функционированием фразеологизмов с различных ракурсов (структура фразеологических единиц, количественный состав, принадлежность к разрядам различных классификаций и др.) даёт возможность получения выводов.

Отграниченный для данной работы материал драмы «новой волны» отличается разнообразием представленных образцов по степени семантической спаянности. Он включает в себя **предикативные фразеологические единицы** (имеющие форму предложений): *Монтёр: А бог всё видит, всё слышит, всё понимает* (С. Золотников. Сцены у фонтана). *Валюша: Кто бы мог подумать. - У Петюнчика свой дом!* (В. Славкин. Серсо). *Отец: День прошёл - и хорошо. Пиши, как люди пишут...* (А. Казанцев. Сны Евгении); **фразеологические сращения** (обладающие наибольшей степенью семантической неделимости, спаянности, монолитности (глобальности) вследствие непродуктивности той синтаксической модели, по которой они построены): *Отец: Дурью маются... Что их не прихлопнули до сих пор?* (А. Казанцев. Сны Евгении). *Доктор: Я срываюсь, бунтую, бегу куда глаза глядят* (С. Золотников. Абзац). *Алексей: Хороши же святые - с ног до головы в грязи!* (В. Малягин. Отец Арсений). *Ольга: Этот шут горюховый!* (Л. Разумовская. Сёстры); **местоимённые фразеологические единства** (характеризующиеся меньшей по сравнению со сращением спаянностью составляющих её элементов вследствие того, что их построение соответствует действующим моделям языка): *Зона: Я что угодно согласна делать...* (С. Золотников. Зона). *Карий: В чём дело? Я слышу свою кликуху? Дневальный: Выходит, с кем угодно война, а этих коммуняк защищать - божеское дело?* (В. Малягин. Отец Арсений). *Марк: ... ты здесь ни при чём.* (Л. Разумовская. Сёстры). *Мария: ... пусть говорит что хочет.* (Л. Разумовская. Ваша сестра и пленница); **фразеологические сочетания** (будучи построенными по продуктивной модели, не обладают в отличие от единства полной семантической слитностью, глобальностью, отличаются от свободного сочетания лишь тем, что их опорное слово употребляется в несвободном, фразеологически связанном значении, т.е. в таком значении, которое реализуется только в сочетании с данным набором лексических единиц) [Ахманова 2007: 503-504]: *Мария: ... пока я не дала своё согла-*

сие на наш брак. Дарнлей: Со мной никто не считался. Мария: У вас хватило низости расправиться с ним... Лестер: Ни одному её слову не верю. Не вызывает она у меня доверия (Л. Разумовская. Ваша сестра и пленница).

Мировидение народа, его языковая картина мира на каждом историческом этапе в той или иной степени объективно отражается в литературе. Драматическое художественное слово специфично ещё и потому, что характеризуется повышенной степенью «разговорности», а следовательно, наибольшей приближенностью к истинно народному мышлению. В концептуальной картине мира, которая гораздо шире, богаче, чем языковая картина, взаимодействуют общечеловеческое, национальное и личностное. Наилучший способ выявить эти составляющие посредством анализа дискурса драмы - это обратиться к фразеолону языка драмы. Фразеологическая единица, являясь языковым семантическим средством кодирования, подчас воссоздаёт пережиточную, реликтовую, устаревшую языковую картину (*Мария: ... мне легче расстаться с вашей головой, чем уронить хоть один его волос!* (Л. Разумовская. Ваша сестра и пленница)), когда идиома отражает языческую веру в возможность лишения человека силы, даже жизни посредством обрядовых действий, манипуляций с частями его тела: волосами, ногтями, зубами - вследствие чего древний человек остерегался их потери, попадания в руки другого. Однако именно такая языковая картина, с отражением в ней представлений самых разных временных пластов наилучшим образом демонстрирует русское, национальное, общий этнокультурный фон. В переплетении с образованиями недавнего времени (*Босуэл: ... и я им (королём) стану, чего бы это ни стоило мне...* (Л. Разумовская. Ваша сестра и пленница)) подобные ФЕ образуют особый языковой пласт, диктующий стиливое своеобразие дискурса. Кроме того, вопрос коммуникативно-когнитивной структуры текста драмы в определённой степени разрешается при рассмотрении самостоятельной познавательной (когнитивной) и коммуникативной ценности фразеологизмов. «В коммуникативно-прагматической парадигме русской фразеологии ФЕ определённого частеречного класса может рассматриваться с позиций её определённой заданности в реализации коммуникативных установок говорящего и их прагматической направленности» [Добрыднева 2006: 261] Так, коммуникативная установка «*характеризовать, оценить конкретное действие и в целом ситуацию, обозначенную в высказывании, глагольными фразеологизмами, которые, к тому же, являются ФЕ - сочетаниями, выступающими в функции неделимого члена предложения, в параметрах ситуации общения*» констатируется в примерах: *Четвёртая дама: Говорят, когда она узнала, что у нашей королевы родился наследник, она рвала на себе волосы от злости. Первая дама: Ох, Риччо, пожалуйста, перестаньте, я сегодня умру от смеха! Мария: Все знают, что вы влюбились в меня с первой минуты и ходили за мной по пятам, как молодой слонявый бычок, пока я не дала своё согласие на ваш брак* (Л. Разумовская. Ваша сестра и пленница). Количество глагольных фразеологизмов преобладает: 663 прецедента употреблений неделимых сочетаний в 16 пьесах включают в себя 512 глагольных случаев. **Субстантивно-адъективные** идиомы наблюдаются в примерах: *Ольга: Этот гороховый шут! Чтоб духу его здесь... Старик: ...мне одна дорога отсюда: скатертью, скатертью да колбаской... Зверь-баба! Один вред (от неё). Невелика птица. Старуха: Тьфу! Слышать тебя, срам один* (Л. Разумовская. Сёстры). Субъект речи в данных примерах, характеризуя в целом ситуацию, эксплуатирует ФЕ как эмотивно-оценочные и номинативно-характеризующие знаки, в чём одновременно выявляется его коммуникативная установка и когнитивная задача. **Адвербиальные** ФЕ, приведённые ниже, составили тот ограниченный список, который был выявлен во всём фразеолоне анализируемых пьес. Следовательно, ФЕ данного частеречного класса может рассматриваться с позиций её коммуникативно-прагматических свойств как наименее активная. *Ольга: Но это... выше моих сил!.. Марк: Не плачь... как-нибудь... проживём* (Л. Разумовская. Сёстры). *Гиффорд: Как бы не так. Руки коротки!* (Л. Разумовская. Ваша сестра и пленница). Однако такой же, как и у адвербиальной ФЕ, характер семантической репрезентации фрагмента действительности наблюдается у ФЕ иных частеречных классов, при этом их процентное соотношение составляет 62% от общего числа: *Наташа: Всё от печки, значит, всё по уму! Не с ног на голову, а как положено - от печки!* (А. Галин. Титул). *Розозин: Что вы на мне банным листом висите? Щуплый: Я же вижу, и ты всё время ходишь как в воду опущенный... Авдеев: Я повторю хоть тысячу раз: то, что он сделал с лапотной Россией, - это же... Весёлый: День и ночь следи, понял? Что шептать он будет, руками там что-нибудь махать - всё запоминай* (В. Малягин. Отец Арсений). Преобладание неадвербиальных фразеологизмов над адвербиальными при выполнении одной и той же коммуникативной задачи связано, на наш взгляд, с тяготением русского фразеологизма к максимальной образности. Уместно в этой связи упомянуть о **компаративных фразеологизмах**, которые выделяются своей экспрессивностью. «Это сложные билатеральные языковые знаки с аналитической структурой их означающих, которые, обозначая соответствующие явления действительности, тесно связаны с отражательной деятельностью человеческого мышления» [Алефиренко 1978: 22] *Старуха: А проку с тебя, как с козла молока. Старик: Вас тут, как собак... на меня...* (Л. Разумовская. Сёстры). Сходны с ними по способу синтаксического прикрепления к главной части предложения (с помощью союзных слов, *что*) следующие идиомы: *Ольга: Он же всю жизнь её! ... На руках! ... Как пёрышко! ... Старуха: ... старичок неразумный, что дитя малое. Старик: С дочками жить - что по краю могилы ступать* (Л. Разумовская. Сёстры). *Пётро: Как только я верну эти деньги, я прибью тебя... как бешеная кошка или собака* (А. Галин. Титул). *Щуплый: Я же вижу, и ты всё время ходишь как в воду опущенный* (В. Малягин. Отец Арсений). *Отец: ... пиши, как люди пишут...* (А. Казанцев. Сны Евгении). *Туся: Пешком у меня пойдёшь, как все люди!* (С. Золотников. Сцены у фонтана). *Босуэл: ... я не собираюсь подставлять им под нож свою голову, как баран. Лестер: я молчал как рыба. Елизавета: Всю жизнь я тяну*

этот воз, как лошадь (Л. Разумовская. Ваша сестра и пленница). Компаративная конструкция, несмотря на «стёртость» метафор, лежащих в основе всех выявленных случаев (фразеологическая природа обуславливает «стёртость»), позволяет говорить о когнитивной специфике таких фразеологических единиц. По мнению В. П. Москвина, «сравнение ... может быть использовано в когнитивной (эвристической) функции, то есть как форма отражения наиболее общих свойств и отношений объективной действительности», «как средство познания тех же свойств и отношений» [Москвин 2006: 165].

Паремнологический пласт лексико-фразеологического фонда анализируемых пьес невелик. 6 примеров из 663 составляют менее 1% всего провербиального массива. *Дневальный: Вот, например, как на воротах пионерлагеря Бухенвальда было написано? Ну, короче, я по-немецки не сильно шпрехаю, но по-нашему вышло: «Каждый сверчок - знай свой шесток»* (В. Малягин. Отец Арсений). *Нет худа без добра - у нас там (во Франции) родственники обнаружились* (А. Галин. Титул). *Старик: Сколь волка ни корми... Эх, милая, сучка не захочет, кобель не вскочит. Старуха: Вот и парочка - баран да ярочка. Ольга: А теперь что ж, мёртвых не судят* (Л. Разумовская. Сёстры). Е. В. Маркелова говорит об особом типе концепта - пословичного (провербиального). Это «ментальное образование, в которое входит ценностно-значимое для всех членов этносоциума представление, выступающее в качестве инварианта, и его варианты предикации - провербиальные смыслы, включающее мировоззренческие установки, характеристики практической деятельности, морально-этические ценности, вербализованные паремиями [Маркелова 2006: 410]. Находясь на периферии интерпретационного поля своего концепта, поговорка эффективнейшим образом сигнализирует реципиенту о центральной мысли, составляющей суть концепта, так как именно в паремиях «провербиальные смыслы представляют собой исторически и культурно закреплённые «сгустки» знаний и опыта определённого этносоциума» [там же]. Так, концепт «Соответствие» (социальное, интеллектуальное, моральное, нравственное, культурное, ментальное), которое должно иметь место между людьми, вступающими в брак, дискурсивно воссоздаётся в пьесе «Сёстры» Л. Разумовской, где конструирование иронии посредством внедрения поговорки *«Вот и парочка - баран да ярочка»* в реплику действующего лица катализирует понимание читателем неидеальности жизни.

Обсценивание речи героя драмы посредством эксплуатации фразеологизмов, содержащих упоминание чёрта, иных выражений и слов сниженного характера - способ создания аффектированного высказывания, текста ярко выраженного разговорного стиля. Фразеологическое значение - это «такая языковая семантическая категория, которая регулярнее, чем лексическое значение, используется для образной характеристики и усиленной субъективной оценки лиц и фактов, для передачи экспрессии и эмоционального состояния говорящего» [Глухов 1989: 35]. 4% случаев оперирования идиомами - это примеры с использованием **обсценных сочетаний**. Из них 65% содержат лексему «чёрт». *Слепнев: Он знай спит, а его, язви в душу, бабы одолели* (М. Ворфоломеев. Хабаров). *Старик: ... чёрта лысого, где теперь его искать* (Л. Разумовская. Сёстры).

Безэквивалентная фразеология, не имеющая лексических синонимов, представлена в отграниченном для анализа дискурсе драмы немногочисленными, но яркими примерами, «соответствующие обороты могут служить ... иллюстрацией принципа ценности или значимости, согласно которому «отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей» [Жуков 2006: 239]. *Карий: А я гляжу, ты из упрямых. Но меня тоже не из глины делали* (В. Малягин. Отец Арсений). *Наташа: Типун тебе на язык! Пусть она живёт сто лет. Пётро: Ты каждый раз устанавливаешь меня перед фактами* (А. Галин. Титул). *Ольга: Он растоптал мою жизнь!.. Туда мне и дорога. Куликов: Они свою цену знают. Учёные. Старик: Знай, мол, наших, как до Берлина дошли!* (Л. Разумовская. Сёстры). «Ценность» и «значимость» подобных идиоматических выражений может рассматриваться с точки зрения когнитивной науки как ценность познавательная: при отражении мира через национально-культурный опыт, через неразложимые и незаменимые единства знание обретает цельность. Безэквивалентные фразеологизмы «отражают устремление языка к «сужению» своего пространства, к его максимальной смысловой и коннотативной концентрации и самодостаточности» [Жуков 2006: 235].

Стилевая специфика текста драмы обуславливает «экономия средств для намеченной цели» [Жирмунский 1977: 24] Фразеология как самый устойчивый пласт лексико-фразеологического фонда языка, как та сфера, где отразился стереотипный образ человека, - то средство, которое более всего позволяет сберечь языковые усилия, не обеднив, а наоборот, обогатив содержание речи. Жанр драмы допускает и даже инициирует «сгущение» **идиом в произвольном отрезке текста**. Выявленные примеры реплик, составляющих развёрнутые монологи, содержат максимальное количество фразеологических единиц. Отдельные монологи буквально «написаны» идиомами.

Марк. *А что это, Аня действительно собирается за Куликова? ... Съест он её.*

Ольга. *Днём с огнём!.. Он же всю жизнь её!.. На руках!.. Как пёрышко!.. На землю не даст ступить!.. Съест!.. Куликов - это, знаешь! Это мужчина на всю жизнь!.. Каменная стена! Опора! Тебе же дела нет до моих страданий!* (Л. Разумовская. Сёстры).

Интенсивное внедрение фразеологизма в драматическую реплику - одна из доминантных стиливых черт драмы «новой волны» конца XX века. «Автор скрывается под маской бытописательства и натурализма» [Кузнецова 1989: 249], наделяя героев «пронзительно правдоподобной» речью. «Автоматизированная фраза» [Ахманова 2007: 503-504] в акте драматической коммуникации эксплицитно реализует коммуникативную установку субъекта речи и имплицитно отражает когнитивные механизмы речепорождения.

Список использованной литературы

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. - М., 2007. - С. 503-504.
2. **Алефиренко Н. Ф.** Цит. по Мелерович А. А., Мокиенко В. М. Изоморфизм между семантикой и формой фразеологической единицы и принципы построения словарных дефиниций // Слово - сознание - культура: Сб. научных трудов / Сост. Л. Г. Золотых. - М.: Флинта: Наука, 2006. - С. 211-226.
3. **Глухов.** Цит. по Федосова Е. Ю. Многозначные фразеологические единицы и контекст // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы международной научной конференции. - Волгоград, 2005. - С. 250-253.
4. **Добрыднева Е. А.** Фразеологические единицы в реализации коммуникативных установок субъекта речи // Слово - сознание - культура: Сб. научных трудов / Сост. Л. Г. Золотых. - М.: Флинта: Наука, 2006. - С. 256-263.
5. **Жирмунский В. М.** Теория литературы. Поэтика. Стилистика. - Л., 1977.
6. **Жуков А. В.** Фразеологизмы русского языка, не имеющие лексических синонимов // Слово - сознание - культура: Сб. научных трудов / Сост. Л. Г. Золотых. - М.: Флинта: Наука, 2006. - С. 234-240.
7. **Кузнецова Е.** Мир героев Л. Петрушевской // Современная драматургия. - 1989. - № 5.
8. **Маркелова Е. В.** Паремнологический фонд: концептуальный аспект исследований // Новое в когнитивной лингвистике: Материалы 1 Международной научной конференции «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» (Кемерово, 29-31 августа 2006). Серия «Концептуальные исследования» / Отв. ред. М. В. Пименова. - Кемерово: КемГУ, 2006. - Вып. 8.
9. **Москвин В. П.** Стилистика русского языка: Теоретический курс. - Изд. 4-е, перераб. и доп. - Ростов н/Д: Феникс, 2006.

Художественные тексты

1. **Ворфоломеев М.** Хабаров // Современная драматургия. - 1986. - № 3.
2. **Галин А.** Титул // Современная драматургия. - 1993. - № 2.
3. **Злотников С.** Зона // Современная драматургия. - 1992. - № 2.
4. **Злотников С.** Сцены у фонтана // Современная драматургия. - 1988. - №4.
5. **Злотников С.** Абзац // Современная драматургия. - 1992. - № 2.
6. **Казанцев А.** Сны Евгении // Современная драматургия. - 1990. - № 4.
7. **Малягин В.** Отец Арсений // Современная драматургия. - 1992. - № 2.
8. **Разумовская Л.** Сёстры // Современная драматургия. - 1986. - № 1.
9. **Разумовская Л.** Ваша сестра и пленница // Современная драматургия. - 1991. - № 2.
10. **Славкин В.** Серсо // Современная драматургия. - 1986. - № 4.

СОВРЕМЕННЫЕ СЛОВАРИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Гончарова В. В.

Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

Формирование профессиональных качеств будущих лингвистов находится в прямой зависимости от владения информацией о лексикографических ресурсах в области лингвистики общей и прикладной. Сведения о терминологических словарях данной области знаний можно найти в немногочисленных источниках, так например, в энциклопедических изданиях - «Русский язык» [С. 561 - 562] и «Языкознание. Большой энциклопедический словарь» [С. 461 -462].

В учебных пособиях «Русская лексикография» [Козырев: 274-280] и ««Русская лексикография» [Шимчук: 195 - 198], кратко описываются словари, в первом - 15 изданий, во втором - 10. Данные издания приводят списки основных словарей лингвистической терминологии (СЛТ).

Аналитический обзор «Словарей лингвистических терминов» [Омарова] дает обширную библиографию СЛТ (56 наименований, выпущенных до 1997 года) и подробный анализ основных из них. Также автор определяет основные направления лексикографической работы на материале изданных СЛТ. Приложение 2 «Обучающего словаря лингвистических терминов» полностью посвящено СЛТ, которые авторы подразделили на энциклопедические и словари-справочники [Куликова: 160 - 170].

Успешное освоение учебных дисциплин предполагает обязательное овладение соответствующей терминосистемой. Наряду с родной речью всегда используется иностранная лексика. Особенно это актуально для лингвистов. Однако двуязычные и многоязычные лингвистические словари не были в должной мере отражены в перечисленных выше публикациях. Среди неупомянутых в выше перечисленных справочных изданиях следует назвать «Немецко-русский словарь по лексикологии и стилистике» [Ивлева], который содержит традиционные и новые термины лексикологии и стилистики. Ряд ключевых терминов дан с английским, французским, нидерландским и шведским эквивалентами. В конце словаря опубликован список русских терминов, что позволяет пользоваться им как немецко-русским так и наоборот, а также многоязычным.

Издание «немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов» [Баранов] сочетает в себе черты обыкновенного переводного словаря и толкового, проявляющиеся в структуре комментариев к словарной статье (перекрестные отсылки, синонимы, антонимы, более общие и более частные термины).

Авторы включили также английские эквиваленты, что обусловлено значительным влиянием англоязычной лингвистической терминологии не только на русскую, но и на немецкую лингвистику. В нем предусмотрены англо-немецко-русский индекс, комплекс тематических указателей, грамматическая информация.